

М. В. Бейлин,

*к.т.н., с.н.с., доцент кафедры гуманитарных наук
Харьковской государственной академии физической культуры*

ВЕРА-В-МАШИНУ: ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Статья посвящена рассмотрению контактных точек философского осмысления религиозной истины и социальной значимости научно-технической и экономической деятельности. Развитие технико-технологического мира порождает «веру-в-машину», которая является продуктом компенсаторной деятельности разума в различных социальных и экономических ситуациях. Машина рассматривается как фетишизированное чудо, благодаря которому реальная хозяйственная деятельность и жизнедеятельность людей наполняется некоторым технико-экономическим смыслом.

Ключевые слова: *технико-технологический мир, машина, «вера-в-машину», технико-экономические смыслы, миф, обожествление машины.*

В конце XIX и начале XX века в повседневную социальную жизнь прочно входит техника, которая формирует особый вид машинной деятельности, поскольку обладает собственным ритмом и динамикой. В постиндустриальном обществе происходит изменение роли машины в жизни человека. Машина, благодаря которой человек приобретает власть над природой и преобразует последнюю сообразно своим потребностям и целям, стала относительно малозаметной. Экспансия машин делает актуальной проблему осмысления машинности как всеобщего принципа деятельности человека и требует исследования онтологических оснований машинного мира.

Цель статьи: выявить тенденции развития представлений о машине, вычленив основной механизм формирования технической машины, главные стадии развития механизации и зафиксировать свойства машины как орудия воспроизводства.

Исследование эволюции техники в онтологическом аспекте позволяет установить общие тенденции развития второй природы (мира культуры) и духовного мира человека. В гносеологическом аспекте исследование эволюции техники в значительной степени определяет предмет научного поиска, очерчивает методику познания и предоставляет познающему субъекту всё более сложные модели мира и человека, обеспечивая развитие философских представлений о машине в контексте философии техники, отображающей развитие самой машины в производстве и экономике. Время становится метрической основой производственного процесса, приобретает экономическую ценность, влияет на социальные отношения, способствует развитию отчуждения. Модернизм и техницизм стали ответом на утрату общехристианской картины мира. Место христианства оказалось занято эстетическим пуританизмом с его конкретностью, конструктивной последовательностью, формальной точностью и, наконец, рациональностью. Наука и техника заняли место религии, но и сама наука изменяется, отказываясь от постулата о возможности существования «божественной» истины. Абсолютная истина более не является целью науки, происходят «демократизация» и «индустриализация» науки, приведшие к росту и повсеместному вторжению в размеренный ритм человеческого бытия научного знания.

Формирование идентичности современного человека связано со стремлением соотносить внутренний мир с внешним в воспроизводящейся ситуации усложнения и умножения разнообразия, порождаемого развитием и распространением знания, систем информации и информационных технологий. Если как биологический вид человек уже давно сформировался, то его интеллектуальное развитие, не говоря уже о социальном, непрерывно эволюционирует. Как простейшая трудовая, так и научно-техническая деятельность определяются социально-антропной идентичностью. В постиндустриальном обществе происходит изменение роли машины в жизнедеятельности человека. Механизм массовизации существовал до возникновения технической машины и способствовал формированию мегамашины (В.В. Николин), которая охватывала все проявления жизненного мира человека соответствующих эпох и выступала как социальная форма всеобщего. Основанием такой мегамашины является консервация деятельностных

характеристик индивидуального производителя, что было преградой для возникновения технической машины [1]. С развитием техники и технологий в производственной сфере постоянно снижается потребность в живой человеческой силе. При этом именно благодаря машинам человек приобретает власть над природой, преобразуя её сообразно своим потребностям и целям.

В многочисленных философских, социально-психологических и социально-экономических исследованиях уже не раз отмечались существенные социально-политические и радикальные экономические изменения в развитии общества, которые приводят к трансформации смысловой структуры сознания его современников. Эти трансформации характеризуются возникновением особых состояний сознания, которые описываются как «разрыв смыслов». Пространство последних в этом случае заполняется своеобразными нововведениями, которые выступают как продукт компенсаторных действий самого сознания, как «сознательный» способ защиты человека от влияния жизненных потрясений. Новые идеалы, ценности, политические лозунги выливаются именно в эти новообразования и превращают их в определённые мифопродуцирующие и фетишепродуцирующие формы. Эти формы заполняют «разрыв смыслов» их содержанием, перед которым иногда меркнет любая народная сказочная фантазия, и эти формы начинают функционировать по своим собственным законам. Одним из проявлений такого содержания и есть «вера-в-машину»: машина уже не рассматривается непосредственно человеком как только средство его собственной деятельности — в его сознании, заданная преобразованным смыслом настойчиво преобразуемых идеологием, она выступает как отблеск несколько большего [2, с.200-206]. Возникает «обожествление машины», то есть вера во всеислие самих машин и исключительную роль машин в технико-экономической деятельности.

Развитие техники быть не может абстрагироваться от социального контекста. Машина как продукт коллективного труда выступает для человека как «своё-чужое», в ней теряется ее конкретный вклад, и машина рассматривается ими как чудо. Обеспечение и утилизация непосредственной труда человека в то же время вращается идеализацией ее результата: машине приписываются черты человеческой сущности. Другими словами, машина становится заместителем человека — и в прямом, и в переносном смысле; она измерителем не только труда (сколько людей может заменить машина), но и непосредственно самих людей. Машина фетишизируется вроде знаменитого «золотого тельца». И в этом фетишистском отношении к машине начинает определяться реальная технико-экономическое поведение и реальная жизнь многих людей.

В рамках изменения смыслов сознания массы людей, занятых непосредственно на производстве это приводит к становлению феномена «обожествления машины», сущность которого и состоит в обожании машины как средства «светлого завтра», заменяет идеал царства Божьего, приобретая при этом всех его сакральных черт, и таким образом Машина начинает рассматриваться в качестве нового божества.

В сознании непосредственных участников ускоренной индустриализации религиозный Бог заменяется практически видимым и, самое главное, практически совершенным своими руками богом — Машиной. Новый бог обещает достичь лучшего будущего уже завтра, или, как обещает известная идеологема, «... ещё при жизни нынешнего поколения...». Массовый энтузиазм в овладении и производстве техники является в действительности не чем иным, как вынесением вовне энергии преобразованных форм, которые вновь формируются в сознании личностных технико-экономических смыслов.

«Обожествление машины», которое определяет реальную технико-экономическое поведение сотен и сотен тысяч людей, занятых на производстве при создании экономического порядка, не воспринимается как некая иллюзорная действительность. «Обожествление машины», поддерживаемое реальным положением занятой на производстве человека в сложной структуре разделения труда, с одной стороны, и предсказания соответствующих идеологов «авангарда», с другой, не выступает, конечно, как развитие религии в обычном смысле этого слова или как явно выраженная религиозное сознание и чувства. «Вера-в-машину» может быть охарактеризована как технико-экономическая религия атеистов и, конечно, «обожествление машины», как смысловое содержание мифопродуцирующего

сознания определённым образом выступает в качестве компенсаторного механизма. Машина как миф и смысл становится самой жизнью или, наоборот, именно технико-экономическая жизнь становится практически функционирующим мифом-машиной. Миф о «царстве Божьем» на земле становится реальностью целой страны: миф выступает в форме идеала, а идеал приобретает мифические формы [3, с.146].

В некоторых ситуациях всё, что мешает функционированию как самого мифа «царства Божьего», так и «обожествлению машины» людьми, занятыми непосредственно на производстве, подлежит элиминации. Практически это означает изъятие из массы людей, занятых на производстве, носителей «старых смыслов», например носителей рационального инженерного экономического мышления. В условиях необходимости выполнения указанной задачи они так же, как и представители старого культа (православие), действительно являются помехой. Устранение носителей рационального мышления и смысла приводит к тому, что массы людей уже не имеют точки действительного отсчета, по отношению к которой собственное содержание их сознания могло бы получить своё реальное измерение.

«Обожествление машины» становится и атрибутом экономического мышления «авангарда», управляющей номенклатуры общества. Собственно говоря, в основе мышления последней лежат всё те же разрывы смыслов сознания. Для массового сознания каждый представитель любого уровня управленческой и политической пирамиды является носителем тотальной сакральности Порядка, личным представителем железной руки. Выполнение сакральной функции обычно лишало этих представителей каких-то индивидуальных, личностных качеств: они выступали как «функционеры», представляющие структуру и ориентированные на выполнение поставленных перед ней задач. Несмотря на их личностное разнообразие, они предстают безлико, будучи «прикрытыми» общественными масками. На самом же деле они являются лишь одномерными, фрагментарными людьми, как и тысячи остальных не номенклатурных непосредственных работников.

Несколько иначе (в виде «социальной механики») «обожествление машины» воспроизводится также в административной и зачастую в экономической рациональности, где Плану и Порядку молятся так же, как раньше молились Иисусу Христу. Но если на уровне людей, занятых непосредственно на производстве, «обожествление машины» выступает как латентное религиозное чувство, то на уровне номенклатуры общества действия согласно правилам административно-экономической рациональности являются следствием и продолжением управленческого образа мышления. Отношение к обществу как к машине в управленческом мышлении аналогично отношению рабочего к машине. Первое отношение наделяет государственное устройство этическими, моральными и другими качествами точно также как Машина может наделяться занятым на производстве человеком добродетелями и рассматриваться как ценность. Чиновник также служит обществу как социальной машине подобно тому, как рабочий служит машине технической. Иначе говоря, «обожествление машины» социальной и технической близки по сути, поскольку характеризуют определённый новыми смыслами сознания тип отношения к машине технической и к обществу-машине.

Преодоление «обожествления машины» связано, конечно, с развитием самой социальной и экономической действительности, когда «обожествление машины» входит в соприкосновение с новой социальной реальностью. Миф, который стимулирует активность и энтузиазм значительных масс людей, в своем угасании превращается в общие условия общественной пассивности. Смыслы сознания превращаются в формы, которые своим содержанием направлены на поиск новых компенсаторных механизмов. Иначе говоря, «обожествление машины» как сущность индустриально-машинного видения формы экономической религии исчезает, но не уходит, а порождает в новых условиях свои новые превращённые формы.

Поэтому феномен «обожествления машины» ещё не является делом вчерашнего дня. Если изменение технико-экономических условий деятельности производителей ведет к сужению социальной базы религиозно-образного сознания, то в качестве нормы или парадигмы управленческого технико-экономического мышления «обожествление

машины» не столь быстро поддается освоению. В рамках действующих представлений об административной рациональности видится определённый сакральный смысл: кажется, нужно только ухватиться за эту «цепь», и экономика общества-машины будет функционировать без лишних препятствий. Религиоподобие такого мышления как типа административно-экономической рациональности как раз и заключается в том, что оно приписывает любому фактору провиденциальное значение, полагая, что все действия и поступки подчинены цели, обозначенной этим провиденциальным. Именно так и происходит на уровне реального административного управления: приняв очередную «божественную экономическую идею», вся система административного, хозяйственного, государственного управления экономикой и обществом начинает очередную кампанию по достижению поставленной цели. Здесь мы сталкиваемся с ещё одним проявлением «обоожествления машины» – «верой-в-цель».

Таким образом, парадигма «общество - машина» базируется на технико-экономическом мышлении нового экономического и политического авангарда. Именно здесь, на верхних этажах новой административно-управленческой иерархии, как свидетельствует опыт современных экономических реформ, и находятся корни «социальной механики» и индустриально-машинного видения экономического порядка. Анализируя историческую судьбу феномена «обоожествления машины», можно с уверенностью сказать, что преодоление последнего требует, прежде всего, критического переосмысления самих философско-мировоззренческих основ технико-экономического мышления нашего времени. Экспансия технико-технологического мира и рефлексия над векторами социально-экономические развития делают актуальной проблему осмысления роли машины в социально-экономическом бытии человека.

Литература :

1. Николин В.В. Проблема мегамшины / В.В. Николин. Омск: изд-во ОмГПУ, 2004. 189 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А.Бердяев. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
3. Трипольский Р.И., Комаров С.В. Машинобожие / Р.И. Трипольский, С.В. Комаров // В книге Бытие культуры: Сакральное и светское. – Екатеринбург, 1993. – С.144-160.

Бейлін М.В. Віра-в-машину: техніко-економічні смисли.

Стаття присвячена розгляду контактних точок філософського осмислення релігійної істини та соціальної значущості науково-технічної та економічної діяльності. Розвиток техніко-технологічного світу породжує «віру-в-машину», яка є продуктом компенсаторної діяльності розуму в різних соціальних та економічних ситуаціях. Машина розглядається як фетишизоване чудо, завдяки якому реальна господарська діяльність і життєдіяльність людей наповнюється певним техніко-економічним змістом.

Ключові слова: *техніко-технологічний світ, машина, «віра-в-машину», техніко-економічні смисли, міф, обоожнювання машини.*

Beilin M.V. Faith-in-machine: technical and economic senses.

The article is devoted to the consideration of contact points of religious truth philosophical understanding and social significance of scientific, technological and economic activity. Technical and technological world development generates a "faith-in-machine", which is a product of mind compensatory activity in the different social and economic situations. The machine is considered as fetishized miracle by which the real economic activities and vital activity of people are filled with technical and economic sense.

Keywords: *technical-and-technological world, machine, "faith-in-machine," technical-and-economical sense, myth, machine deification.*